

Как продлить «женский век»? Переосмысление гендерно-возрастных стереотипов в украинской постмодернистской прозе

Ирина Бетко

В украинской классической литературе, патриархальной в своей миро-воззренческой основе, тема телесности (включая весь арсенал гендерно-возрастных стереотипов, так или иначе довлеющий ее художественно-бытийственной проблематике) относилась к категории стойких табу вплоть до конца 80-х гг. XX ст. И только за последние 20 лет ситуация кардинально изменилась. В частности, в национальном инварианте постмодернистской прозы эта тема наконец-то зазвучала без каких бы то ни было ограничений во всех ее многочисленных смысловых аспектах и символично-философских обертонах: телесное/духовное, мужское/женское, живое/мертвое, здоровое/больное, красивое/уродливое, развивающееся/стареющее, освобожденное/репрессированное и т.д.

Однако и в настоящий момент в глубинах творческого сознания не только писателей, стоящих на позициях фаллоцентризма, но и писательниц-феминисток само понятие телесности традиционно продолжает осмысливаться в парадигмах преимущественно женского порядка. Этому в какой-то мере способствует мифо-архаическая составляющая коллективного бессознательного наших современников и соотечественников, в широком смысле интерпретирующая проблему телесности как мистирию воплощения и бытия человека в материальном мире, исходящую из идеи архетипически-циклического единства феноменов зачатия, рождения, созревания и угасания, а также смерти и возрождения.

Художественная символика психо-физиологических процессов формирования и деградации телесно-эмоциональной оболочки души, а также молодости и старости обуславливается тем, что, приобретая внешне противоположные формы, они одновременно являются достаточно выразительными отзвуками друг друга, аналогично мотивам рождения и смерти. Например, взаимное отражение женской молодости и старости нередко принимает достаточно парадоксальную форму социально-

психологической детерминированности в рамках устоявшихся культурных стереотипов. Так, в традиционной культуре женщина, имеющая взрослую дочь, уже только поэтому считается старой. Данный мотив озвучивается, в частности, в романе Юрия Андруховича *Дванадцять обрuchів*.

«У тебе доросла дочка [...]. Подумай про свої літа», — такими суггестіями покойный первый муж Ромы Воронич обрывает авто-тело-софские рефлексии героини, которая, пребывая «з кращого боку від сороківки», размышляет над тайной бальзаковского возраста — «це скільки?»¹

Патриархальное сомнение относительно того, может ли мать взрослой дочери всерьез восприниматься в качестве сексуального объекта, звучит в иронически-риторическом вопросе одного из протагонистов романа *Дванадцять обрuchів* — Карла-Йозефа Цумбруннена — этого, казалось бы, прогрессивно мыслящего австрийского фотожурналиста и тайного любовника Ромы: «як можна *тгахати* жінку, в якій майже повнолітня дочка»? Тем не менее сам герой парадоксальным образом дает себе на него позитивный ответ: «Виходить, що можна»². В свою очередь этот же вопрос задает себе еще один центральный персонаж рассматриваемого произведения — украинский писатель Артур Пепа, законный второй муж Ромы. На бессознательном уровне вытесненный инфантильный страх и протест Артура против дальнейшей совместной жизни с женой, которая начинает стареть, принимает форму причудливого сновидения, исполненного двусмысленной — жутко-гротескной — мифо-архетипической символики. Так, в одном из фрагментов своего сна герой внезапно оказывается в ситуации, психологическую безысходность которой подчеркивает пребывание в центре образованного вокруг него демоническими старухами «з обвислими цицьками та задницями» магического аркана —

стрімкого й запаморочливого кола: то були сухорляві старі жінки з довжелезними задимленими люльками в зубах (а радше в ротах, бо зуби в них за останні сто років геть постиралися), [...] зморшки так і їли їх поїдом, і впритул це було видно особливо виразно; їхня шкіра нагадувала зшиті докупи шматки потьмянілих мап, до того ж рельєфних³.

Специфический комплекс актуальных гендерно-возрастных стереотипов *быстротечности женской молодости*, характеризующий теневые

¹ Ю. Андрухович: *Дванадцять обрuchів*. Роман. Вид. 2, виправлене та доповнене. Київ 2004, с. 115, 44, 111.

² Ibidem, с. 31.

³ Ibidem, с. 189, 190.

аспекты психики некоторых представителей гуманитарной интеллигенции эпохи постмодернизма, остроумно развенчивает Евгения Кононенко в новелле *Голий ювілей*⁴. «Я вас настільки шаную, що аж забув, що ви — жінка», — такой двусмысленный комплимент молодого коллеги слышит в свой адрес протагонистка, пятидесятилетняя Валерия. Она заведует кафедрой постмодернистской толерантности в столичном университете гуманитарных стратегий. Однако все эти суперсовременные названия оказываются лишь чисто внешними декларациями, слабо маскирующими истинный уровень интересов научно-дидактических кадров — в первую очередь представителей мужского пола, выступающих субъектами гендерно-возрастной дискриминации как своих сотрудниц, так и студенток. Иначе трудно объяснить проведение «в стінах» этого вуза — с ведома ректора — таких типично сексистских, «мало не щомісячних конкурсів краси», как «міс ноги» или «міс викладачка». Протагонистка относится к подобным мероприятиям с добродушной иронией: «радіє, що вийшла з відповідної вікової категорії». Тем не менее Валерию, вопреки ее воле, все-таки вводят «в журі оцінити якщо не сексуальність, то культуру одягу претенденток»⁵.

В свою очередь, «сексуальність [...] молодих викладачок», очевидно, будут оценивать мужчины — высокопоставленные, достигшие солидного возраста организаторы данного мероприятия, для удовлетворения скрытых потребностей которых оно, по сути, и проводится. Этот легитимный стереотип патриархальной иерархии буквально переворачивается с ног на голову в исключительно колоритной и насквозь гротескной кульминационной сцене, в которой три школьные подруги отмечают свой титульный юбилей в элитарной столичной сауне „Змий печаль”⁶. Тут к группе пятидесятилетних юбилярок неожиданно присоединяется «кілька молодих красенів від двадцяти до тридцяти з рушниками на стегнах».

— Девочки, все до ваших услуг! У цю ніч ці хлопці виконають будь-які ваші забаганки. Все оплачено! Вибирайте! До ранку ви в раю! [...] Якщо котрась із вас хоче в цю ніч двох, і це можливо! Ваші чоловіки [...] ні про що не знатимуть⁷.

⁴ Например: «вона ж стара, як добре вино! Їй сорок!»; «Жінка — це тіло, чоловік — це дух»; «Ювілей чоловіка — святкування нового злету, нового кохання, нової хвилі молодості. А ювілей жінки — то кумедне бажання схопити за хвіст те життя, якого вже ніколи не буде. І всі претензії можна адресувати тільки Господеві», — и т.п. См.: С. Кононенко: *Голий ювілей*. В: Еadem: *Книгарня «ШОК». Новели, есеї*. Львів 2009, с. 21, 22, 23.

⁵ Ibidem, с. 20—21.

⁶ Эта почти анекдотическая сцена в определенном смысле соотносится с гротескной «страшилкой» из вышеупомянутого сна Артура Пепы, в которой его чуть было не изнасиловали двенадцать столетних «бабушек».

⁷ С. Кононенко: *Голий ювілей...*, с. 28.

Мотив «быстротечности женской молодости», осмысливаемый в категориях возрастных контрастов и парадоксов, присутствует также в сознании протагониста культового романа Юрия Издрика *Воццек*. Благоговейно всматриваясь в очертания самого прекрасного, совершенного и желанного, а прежде всего — пока что молодого тела своей возлюбленной, герой одновременно представляет его в недалекой континуальной перспективе старения / деградации. Он замечает даже самые мельчайшие детали — «і складку, що заповідалася укластися з роками в обрешкільсть, і сіточку судин, котрі неодмінно набрякли б з народженням дитини»⁸.

Аспект преждевременного — несправедливого и нелогичного — причисления зрелой женщины к старшей возрастной категории драматически обострен в повести-притче Оксаны Забужко *Казка про калинову сопілку*: «От вам і всенький жіноцький вік — не встигаєш оханутися, аж уже й дочка на виданні, а ти вже — бабою, дарма, що й тобі брови ще не злиняли»⁹, — так рассуждает Мария, мать двух взрослых сестер-погодок. Но особенно парадоксально, а к тому же трагично и унизительно в этой повести складывается судьба старшей сестры, которая, независимо от возраста, согласно канонам патриархальной морали, чуть ли не автоматически перешла в категорию старых дев, как только ее младшую сестру засватали первой, нарушая освященный традицией порядок очередности. Когда сын богача Дмитро, горя желанием отомстить гордой своенравной девушке за ее непокорный и неуступчивый характер, коварно подослал сватов именно к Оленке, легкомысленно принявшей его предложение, «Ганнуся, зараз же, махом» оказалась:

в свої вісімнадцять — серед перестарків, перебірців, яким уже зась гребувати тим, що не до любови, гаразд, коли й удівець трапиться! — оце, дівко, й напанувалася, оце тобі й усенькі твої мрії дівочі, з роси та з води¹⁰.

Такое катастрофическое падение социального статуса «Ганни-панни», которая моментально стала в глазах односельчан «не більше як шмата, ужита на постілку Оленці з Дмитром»¹¹, крайне негативно отразилось не только на душевном состоянии, но и на внешнем облике протагонистки. С этого момента ее, общепризнанную красавицу, болезненно осознающую свою тотальную дискредитацию и жизненное поражение (с точки зрения диких моральных норм, господствовавших в замкнутом сельском

⁸ Ю. Издрик: *Воццек & воццекургія*. Передм. М. Павлишин. Ком. В. Єшкілев. Післямова Л. Стефанівська. Львів 2002, с. 119.

⁹ О. Забужко: *Казка про калинову сопілку*. В: Еadem: *Сестро, сестро. Повісті та оповідання*. Передм. В. Скуратівський. Вид. 2. Київ 2004, с. 83.

¹⁰ Ibidem, с. 106.

¹¹ Ibidem, с. 108.

социуме, на существование в котором героиня была обречена), словно подменили — она стала совсем иной, на нее как бы упала тень не только преждевременной старости, но и самой смерти:

в ній-бо самій, і це й було найстрашніше, зайшла зміна, ніби вона постарілася за один вечір того сватання на десять років, коли не на ціле життя, — щось лихе вступило в неї, так нагло окрадену з своєї непереможної сили, щось таке канудне, як розлита по жилах негамовна гаряча сверблячка: куди бігти, що з собою почати?! — і запахи вона чула все якісь гнилі, немов усе в хаті й коло хати протхнулося смородом¹².

Тем временем в контексте парадигм современной культуры даже биологически закономерное наступление старости психологически субъективно воспринимается как явление преждевременное, способное вызвать сильный стресс и даже депрессию. Персонажи украинской постмодернистской прозы, — причем не только женщины, но и мужчины, — внимательно и озабоченно всматриваются в признаки увядания тел и душ — своих собственных, а также родных и близких. Например, супруги средних лет Рома и Артур, хоть и не высказывают вслух своих взаимных разочарований друг другом, вызванных началом процесса возрастной телесно-эмоциональной деградации, зато в мыслях щедро вербализуют их полный список. Эти «двосторонні претензії» впечатляют своей симметричностью, сводясь к констатации «дедалі виразніших фізичних вад», которых раньше нельзя было даже вообразить, богомности мужа и привязанности к дому жены, а кроме того подозрений в неверности, обид на охлаждение чувств партнера / партнерши и т.п.¹³

Показательно, что для одаренного литературным талантом Артура эффективным арт-терапевтическим способом, позволяющим преодолеть стресс, вызванный новыми непростыми аспектами, осложняющими его экзистенциальную ситуацию, должен был стать задуманный, но так и не написанный роман «про чоловіка, що вбиває власну жінку», — с «брутальною відвертістю в деталях, що відбивали б фізіологію старіння жінки, всі ці осінні запахи, зморшки та складки, шарудіння сухого листа, холод лона»¹⁴. Центральную идею этого несостоявшегося произведения можно

¹² Ibidem, с. 109.

¹³ Ю. Андрухович: *Дванадцять обручів...*, с. 229—231.

¹⁴ Ibidem, с. 91. Со своей стороны, женщины не менее чувствительны к признакам старения спутников жизни. Так, крестьянку Марию с бегом лет «душила [...], загрожуючи от-от прорватися риданням, раптова, гостра відраза до чоловіка — до його лагідного (що здавалося вкрадливим) покахикування, до звуку, з яким пошкрібував зозулясту, вже де-де побиту сивиною (як це вона раніше не завважила?) щетину на підборідді, до вицвілих кострубатих брів із кількома особливо твердими, схожими на штурпаки недоскубаного курячого пір'я, волосками, до червоного плетива жилок на крилах носа, що відтак

выразить следующим маскулинно-шовинистическим афоризмом молодого университетского преподавателя Трони (*Голий ювілей*), приверженца «радикальних заходів збереження жіночої краси на земній кулі»: «жінок старше тридцяти п'яти, коли на їхніх боках починають вимальовуватися перші сальні нерівномірності», «взагалі варто відстрілювати!»¹⁵.

Господствующий в современном массовом сознании культ идеального и вечно молодого тела обостряет индивидуальное травматическое переживание личностью неотвратимого процесса старения до крайней степени. Это способствует формированию автономных психических комплексов, а кроме того порождает суицидальные фантазии и побуждает к автодеструктивным поступкам. Например, мать Трони «покінчила життя самогубством у тридцятип'ятирічному віці, коли стала марніти, бо батько покохав іншу». В этой трагической истории, однако, особенно шокирует исполненная цинизма эгоцентрическая позиция отца: он «іноді згадує, якою дивовижною жінкою була» Тронина «мати: пішла з життя, коли треба було піти»¹⁶. Отчаянный поступок жены, не только лишившей себя жизни, но и осиротившей их малолетнего сына, вовсе не оценивается им в категориях патологии, поскольку сложившаяся ситуация идеально способствовала осуществлению его эгоистических планов — без лишних проблем и угрызений совести начать новую жизнь с молодой женщиной.

Желание свести счеты с жизнью периодически возникает также у протагонистки рассматриваемой новеллы. Каждый раз, когда Валерия мысленно рассматривает «під одягом свої зони зайвої ваги», — «себто [...] стегна, на яких тріскають усі колготи, [...] відсутність талії, [...] живіт, що його не годна замаскувати жодна „грація”», она чувствует «потяг пустити собі кулю в скроню власноруч»¹⁷. Аналогичные настроения господствуют и в душе ее мужа, человека, когда-то любившего жизнь, сделавшего успешную научную карьеру, а ныне впавшего в параноидальное состояние от старческой немощи и неизлечимых болезней («інсульт, інфаркт, простатит і хвороба Паркінсона — не варто перераховувати всього»). Он глубоко убежден, что «чоловіків, коли в них відмовляє амуніція, треба відстрілювати...»¹⁸. Вместе с тем этот «старий і хворий» персо-

---

починав потворно нагадувати невеличку влечану антонівку». Но, будучи заложницей патриархальной культуры, пусть и внутренне бунтующей, в отличие от Артура Пепы и пр., Мария полностью лишена какой бы то ни было возможности вербализации своего мучительного раздражения: «Мовчи, бабо, знай мовчи, менше гріха буде...». О. Забужко: *Казка про калинову сопілку...*, с. 83.

¹⁵ С. Кононенко: *Голий ювілей...*, с. 21, 22.

¹⁶ Ibidem, с. 28.

¹⁷ Ibidem, с. 22.

¹⁸ Ibidem, с. 23.

наж, исполненный ненависти ко всему миру за свое жалкое существование, беспардонно указывает жене, которая, кстати, намного моложе его и физически совершенно здорова, на все ее «найменші вікові зміни»¹⁹. Вербальная агрессия мужа закономерно усиливает у протагонистки:

мало не щохвилинне відчуття болючої деформації тіла, яке [...] стає нестерпним. І так само болюче клекотання у грудях: статевого життя не буде, духовного теж не буде. Буде животіння. Як у її старого чоловіка, скарлюченого, засяного, лютого на цілий світ²⁰.

В прозе Кононенко тема психо-вербальної дискримінації жінчини в собственній семье займає особе важне місце. Писательница, в частности, осмысливает стереотип *быстротечности женской молодости* как один из наиболее уязвимых пунктов, делающих особенно беззащитной не только стареющую жену перед маскулинной грубостью мужа, но и немолодую мать перед хамством совершеннолетней дочери. Например, в ранней новелле *Поцілунок у сідницю* выразительно инструментується как бы из самой жизни выхваченная сцена семейной ссоры: «стара паскудо, [...] стара шкапо, [...] стара вобло, [...] стара вішалка», — так унизительно обращается обнаглевшая взрослая дочь к собственной матери, при okazji цинично подчеркивая, что «у 48 років» она выглядит «на 64 з половиною»²¹. Предметом ядовитых насмешек становятся также личные вещи матери — ее косметические принадлежности, нижнее белье²² и т.п.

В новелле *Де Ольга?* пристально-объективный взгляд писательницы вновь фиксирует острую коллизию из разряда конфликта поколений (в данном случае в диаметрально перевернутой перспективе по сравнению с предыдущей миниатюрой). Тут субъектом психо-вербальной дискриминации выступает деспотичная старуха-мать, частично впавшая в маразм. Она во что бы то ни стало стремится помешать замужеству своей уже далеко не молодой дочери, причем ее аргументы звучат исключительно бестактно: «Психопатка! В неї клімакс, а вона суне до загу! [...] Сказилася на старості! Їй же треба лікувати міому!»²³

¹⁹ См.: «Я помру, а в тебе нікого не буде! Подивися на свій живіт! [...] Ти стара корова, а не жінка! А я в твоєму віці був молодий! Я міг би мати кількох таких, як ти!» Ibidem, с. 24.

²⁰ Ibidem, с. 23.

²¹ Є. Кононенко: *Поцілунок у сідницю*. В: Еadem: *Повії теж виходять заміж. Новели*. Львів 2004, с. 110, 111, 112, 115.

²² Например: «твоя жлобська помада! [...] твої смердючі трикошки до колін!» Ibidem, с. 110, 113.

²³ Еadem: *Де Ольга?* В: Еadem: *Новели для нецілованих дівчат. Рукописні новели*. Львів 2006, с. 105, 109.

Культ идеальной телесности вызывает у многих наших современниц нездоровую потребность как минимум психо-символического отчуждения своей стареющей плоти в той или иной форме. Именно в таком проблемном контексте протагонистка широкоизвестного романа Забужко *Польові дослідження з українського сексу* анализирует те досадные изменения, которые с бегом времени проявляются в ее внешности и внутреннем душевно-эмоциональном состоянии. Подходит она к этому очень внимательно и самокритично, как если бы речь шла о другой женщине, в мыслях обращаясь к себе самой со следующим детальным отчетом:

А хреново ти, подруга, виглядаєш — ох, хреново: на повний сороковник [...] і справа навіть не в страхітливій шкірі, відразу на кілька років змарнілій [...] і не в брезклому, якомусь обдемкувато-бридливому, мов спущений м'яч, зачерку долішньої половини обличчя (так і жди: іно розтулить пельку, зараз скиглити почне!), а от — щось невлвовимо змінилося в цілій постаті, в рухах, в ході: щезла та неповстримна розгонистість літака перед злетом, що завжди в ній була, [...] погас зір — не вдарили більше очі з обличчя прожекторами, а ховались у нього з такою заплаканою мукою, що самій хочеться чим-скоріше перевести погляд кудись-інде. [...] ти, зі стиском утробного страху, все ще не ймучи віри, витріщаєшся на цю мегеру: отже, це я? Відтепер і назавше?²⁴

Чувство отчаяния, вызванное фактом старения своего тела, особенно обостряется в ходе ритуала вечернего рассматривания «у ванні [...] перед дзеркалом» молочных желез — этих наиболее характерных атрибутов женской телесности. Они,

досі такі незмінно кулясто-пружні, виразно насторчені пипками врізнобіч [...] вперше охляли, недвозначно посунулися долі, наводючи гадку про перестояне сире тісто, і взялись якимись відворотними плямками, схожими на пігментні, а вершечки щодаді, то більше нагадують потемнілу шкірку зморщеного персика²⁵.

Возрастные изменения, диагностируемые протагонисткой в своем теле, которое еще недавно «було гарне [...], здорове, розумне й життєрадісне, і [...] збіса довго трималось», словно в зеркале, отражаются в реакциях на нее со стороны случайных встречных. Наблюдая за собой как бы сбоку, героиня приходит к выводу, что старение женщины сопровождается своеобразной утратой телесности: в какой-то момент она «вперше спізнала самопочуття *невидимки* [...] — зустрічні мужчини ковзали» по ней «байдужливими, незрячими поглядами, як по неживому предмету», не обволакивая ее, как это бывало раньше, «густо наелек-

²⁴ О. Забужко: *Польові дослідження з українського сексу. Роман*. Київ 1998, с. 80—81.

²⁵ Ibidem, с. 34—35.

тризованою еротичною хмарою»²⁶. При этом напрашивается сравнение с психологически аналогичной коллизией новеллы *Голий ювілей*: протагонистка, перешедшая в старшую возрастную категорию, в субъективном восприятии коллег-мужчин как бы теряет объективные признаки присущей ей женской телесности — этой, в патриархально-архаическом восприятии, едва ли не центральной составляющей ее человеческой идентичности. Некоторые из них в присутствии Валерии забываются настолько, что даже позволяют себе обсуждать внешность других, более молодых женщин.

Творческая оригинальность тело-софии Забужко и Кононенко в рамках рассматриваемой темы сквозит в предельно искренней и отважной вербализации/артикуляции психо-физиологических аспектов старения женского тела, которые как таковые на предыдущих этапах развития не были предметом художественного анализа в украинской литературе. Вместе с тем авторская позиция писательниц в приведенных примерах предстает как, условно говоря, дофеминистическая, поскольку в их психологической версии событий сам объективный факт старения женщины снижает не только ее социальный статус в патриархально ориентированном обществе в целом, а прежде всего в восприятии его мужской половины, но также и субъективную самооценку. Показательно, что в упомянутых ситуациях сами протагонистки, быть может, излишне концентрируясь на проблемах своих стареющих тел, почему-то полностью забывают о тех значительных интеллектуальных достижениях, которые в гораздо большей степени, чем фактически недостижимый идеал физического совершенства, свидетельствуют об истинной и непреходящей личностной самоценности каждой из них.

В той по сути экстремальной культурно-экзистенциальной ситуации, когда женское тело пребывает в зоне практически непрерывного пристального контроля чуть ли не целого общества на предмет его соответствия или несоответствия идеалу, женская психика вырабатывает различные рефлексы самозащиты. Стремясь компенсировать эмоционально травматический опыт старения, она прибегает к тем или иным формам экстравертного либо интравертного эскапизма, причем в подавляющем большинстве случаев это происходит неосознанно. Радикальным формам бегства от старости, таким как суицидальное отчуждение угасающей плоти или же символическое разотождествление с ней, противостоит достаточное количество более щадящих приемов, легитимизированных общественным сознанием в рамках современной культурной традиции.

Женщины, поддающиеся суггестивному влиянию господствующих в обществе гендерных стереотипов, которые навязывают им стандар-

²⁶ Ibidem, с. 35, 37.

ты физического совершенства, часто предпринимают более или менее отчаянные попытки задержать или по крайней мере оттянуть во времени наступление старости. Проблемами такого рода серьезно озабочены многие героини украинской постмодернистской прозы. Например, протагонистка *Польових досліджень...*, опасаясь потерять физическую кондицию, «щоранку» изнуряет свое тело гимнастикой «та ще [...] як на працю» тянет его «вечорами до басейну». Превозмогая себя, она даже в критические моменты жизни регулярно посещает парикмахерскую, педантично исполняет ритуал вечернего туалета и пр.²⁷ Не менее тщательно следит за собой и протагонистка повести Забужко *Дівчатка*. При этом она старается отыскать философские (а точнее — тело-софские и онтологические) корни своего отчаянного стремления затормозить наступление старости:

врода кожної жінки має [...] свій від роду запрограмований ідеальний вік — той, у якому розвивається найповніше і який може промчати водномить, як у пустельних квітів-ефемерид, а може в щасливій незмінності тривати роками, залежно від догляду й поливання (так оптимістично міркує собі Дарка, чії видатки на поливання, тобто на креми й лосьйони, віднедавна почали перевищувати видатки на одяг)²⁸.

Тело-софскими идеями решительного и эффективного отпора старости воодушевлена успешная бизнес-леди Нина (*Голий ювілей*). Она не только развивает их в теории, но и пытается реализовать на практике. Рассматривая собственное «тіло за багато сотень баксів» как достойный предмет дорогостоящей инвестиции, женщина, словно настоящая языческая жрица, создает вокруг него своеобразный строго регламентированный культ, находя в этом основной смысл существования. Свои взгляды на жизнь она проповедует школьным подругам как истину в последней инстанции: «У тіло треба вкладати і вкладати, щоб це було жіноче тіло, а не картопляне пюре в целофановому пакеті. Масажі. Ефірні олії найвищої якості. Парафінові сповивання. І, звичайно ж, се-е-екс». Нина, однако, в упор не желает видеть того, что все эти изысканные рецепты не приносят ожидаемого эффекта, а окончательный результат ее усилий гротескно-комичен в своем несовершенстве — словно голову «Баби Яги прикрутили до тіла ляльки Барбі». Да и с телом Нины, честно говоря, не все в порядке: несмотря на то, что оно покрыто «рівномірною засмагою з солярію» и не имеет «сального „рятувального круга” на боках і животі», этот последний — «весь у зморшках»²⁹.

²⁷ Ibidem, с. 35, 80.

²⁸ О. Забужко: *Дівчатка*. В: Еadem: *Сестро, сестро...*, с. 38.

²⁹ С. Кононенко: *Голий ювілей...*, с. 26, 27.

В неравной борьбе с беспощадным временем в конце концов объявляет капитуляцию протагонистка *Польових досліджень...*, осознавая («кого ти дуриш?»), что все ее омолаживающие процедуры — «то як мертвому припарка». Осмысливая факт ограниченных возможностей человеческого, и в первую очередь женского тела перед лицом старости, героиня невольно сравнивает себя со знакомой университетской преподавательницей-американкой. Элен, как и она, разведена, бездетна и, быть может, именно поэтому так «спазматично» цепляется за «безрозмірну (*fits all ages* / для всякого віку) позицію *sexy lady*, з якої потік часу невблаганно її вимиває, виштовхує в спину». Внешне Элен, которой «невдовзі полтинник», репрезентует настоящий американский идеал успешной во всех отношениях женщины без каких бы то ни было проблем, у которой все и всегда — «fine». Она «завжди» легка и подвижна, «електрично» накручена «збудженим сміхом», носит только экстравагантную молодежную одежду и при каждой оказии «тро-ошечки закладно оповідає» коллегам «про себе» (в частности, о приключениях с мужчинами). Но хотя Элен «тримається пречудово, бурхливо й темпераментно витанцьовуючи на відкритій платформі поїзда», — этот поезд, тем не менее,

мчить її по колії до межової риси того дня, в якому нарешті — осяде, зсутилося, погасне, ніби викрутять із неї остаточно безжиткові лампочки, і, може, [...] зачистить до психоаналітика, [...] а може, ніщечком спиватиметься в себе в домі, займатиметься медитацією або заведе пса³⁰.

Проявляя повышенный интерес к внутренним движениям женской души, украинские писательницы-постмодернистки фиксируют внимание на одном весьма показательном парадоксе глубиннопсихологического характера. Они замечают, что, не имея достаточной внутренней отваги принять к сведению факт своего старения, их героини разными способами вытесняют его из сознания, любой ценой стараясь избежать объективной конфронтации с мучительной для них правдой. При этом активизируются различные субъективные уловки самообмана, позволяющие женщинам избирательно концентрироваться лишь на тех аспектах их телесности, которые подкрепляют идеально-позитивный образ эго-личности.

Так, Нина с гордостью демонстрирует в узком кругу подруг во время празднования совместного юбилея свою «статуру», которую, принимая желаемое за действительное, считает совершенной, попросту закрывая глаза на недостатки, очевидные для ее зрительниц. Одна из них, учительница Олена, без обиняков говорит Нине все, что думает о ее вне-

³⁰ О. Забужко: *Польові дослідження...*, с. 81, 50, 51.

шности и эгоистическом образе жизни, в противовес утверждая свой, также достаточно неординарный, способ продления женской молодости. Она вызывающе и провокационно экспериментирует с одеждой, носит экстравагантные вещи, которые ей нравятся, решительно игнорируя требования элементарного эстетического вкуса и здравого смысла. Не испытывая комплексов на почве своего чрезмерного веса (или же делая вид, что не испытывает), Олена и Валерии (которую, наоборот, присутствие лишних килограммов доводит до отчаяния) «від щирого серця» советует организовать «собі глибше декольте!», — она почему-то убеждена, что подобная уловка «дуже відвертає чоловічі очі від талії, якої нема!»³¹

Рома Воронич — очередная героиня, которой в принципе особенно не мешает то, что «її тіло з роками набрало трохи ваги». В качестве же объекта самоутверждающей медитации героиня выбирает «свої достатньо розлогі, плавно заокруглені плечі», которые «були серед її найвидатніших переваг. „Мені треба носити вечірні сукні з відкритими плечима”, — подумала вона і уявила себе в дев'ятнадцятому столітті»: как бы это выглядело, если бы «Оноре де Бальзак [...] досить промовисто зиркнув на її декольте»³². Мастерски изображая эту симпатичную, исполненную мягкого юмора сцену, Андрухович (как и Кононенко в новелле *Голий ювілей*) фокусирует внимание на счастливой способности обыденного сознания подменять нестерпимую реальность приятными самообольщающими фантазиями, помогающими создать иллюзию психо-экзистенциального комфорта. Общий художественный эффект данного фрагмента усиливается мотивом магического кривого зеркала, которое, дискретно импонируя сокровенным нарцисстическим ожиданиям героини, отражает действительность — а прежде всего саму Рому — в несколько более выгодном свете.

Иную психологическую позицию занимает Валерия. В отличие от своих подруг, а также Ромы Воронич, она, преодолевая чувство отчаяния, проявляет необходимую силу духа, позволяющую ей смотреть трезвыми глазами на те опустошения, которые неумолимое время сеет в ее теле. Способом, облегчающим сознательную ассимиляцию трудных для примирения с ними фактов реальной действительности, для интеллектуалки Валерии служит ирония. Ее предметом становится, в частности, сакраментальная тема продления временных границ быстротечной женской молодости. Затронув данный вопрос в разговоре с Оленой, протагонистка решительно переводит его в комический регистр:

— У тебе ще є місячні? — питає Олена, і вони гучно регочуть на всю вулицю. [...]
— А зараз нібито продовжили, — підсміявшись, каже одна з клімактеричок.

³¹ Є. Кононенко: *Голий ювілей...*, с. 19.

³² Ю. Андрухович: *Дванадцять обручів...*, с. 112, 111.

- Що продовжили?
- Жіночий вік.
- Хто продовжив?
- Мені моя дочка написала з Німеччини, що в останні роки продовжили.
- Дочка тебе повідомила. А хто продовжив? — рогоче Олена.
- Не знаю. Природа продовжила. Суспільство.
- Чи Бог.
- Може, й Він³³.

В связи с сакраментальной темой продления быстротечной женской молодости (над которой подтрунивает скептически мыслящая Валерия, справедливо подозревая тут лишь очередную рекламно-маркетинговую уловку, предпринятую с целью манипуляции массовым сознанием), вырисовывается выразительная культурологическая парадигма. Оказывается, что революционные достижения современной медицины и фармакологии в данной области уходят корнями в глубины мифологического сознания и бытовой магии. По свидетельству Василя Скуратовского, в украинской народно-бытовой традиции имели место «цікаві обрядодії — так звані „Розигри” (на Вінниччині — „Розгари”, „Розори”, на Кіровоградщині — „Дядини”)). Их отмечали в первый день (понедельник) Петрова поста «лише заміжні жінки». Например, на Полтавщине в Зиньковском уезде:

жінки, зготувавши обід, потайки від чоловіків несли його в сад і, поївши, покрикували: «Га-га-га!» Це означало, що в такий спосіб гонять до Бога шуліку, котрий мусить передати їхнє прохання, аби Всевишній продовжив вік інтимного життя³⁴.

Символическое содержание данного обряда опосредованно свидетельствует о том, что его интегральный психотерапевтический эффект был рассчитан именно на тех замужних женщин, которые приближались к границе своего репродуктивного возраста. Этот обряд также выступает одним из многочисленных свидетельств того, что традиционная культура с ее четким разделением всех возможных проявлений бытия на *sacrum* і *profanum* каждый без исключения этап человеческого существования от рождения до смерти включала в систему строго соответствующих определенному возрасту ритуалов. Их значение трудно переоценить: они способствовали интеграции сознательных и бессознательных сфер психики в широком контексте духовной реальности, что в свою очередь помогало всем членам социума — молодым и старым, мужчинам и женщи-

³³ С. Кононенко: *Голий ювілей...*, с. 19.

³⁴ В. Скуратівський: *Петрівка. Петрів ніст. Розигри*. В: *Idem: Український рік. Розповіді*. Київ 1996, с. 109—110.

нам — постичь смысл своего уровня бытия в контексте патриархальной иерархии.

Тем временем коллективное сознание постмодернистской эпохи, хоть и не утратило генетической памяти о целительных духовных свойствах традиционных ритуалов и обрядов, тем не менее уже не способно в полной мере ими воспользоваться. Среди причин следует назвать его дезинтегрированность и разрыв с духовными традициями минувших эпох. Наоборот, те модернизированные псевдоритуалы, которые были искусственно созданы с целью манипуляции массовым сознанием, в подавляющем большинстве случаев сигнализируют утрату глубинного сакрального смысла своих прототипов, будучи их более или менее откровенной профанацией. Мероприятия такого рода, декларируя помощь в поисках выхода из трудной психологической ситуации, фактически еще больше дестабилизируют душевное состояние личности. Например, некоторые из наших современников с энтузиазмом принимают участие в проведении ряда характерных возрастных ритуалов, создающих очередную иллюзию эффективной формы эскапизма от перспективы близкой старости. К числу наиболее популярных относится организация встреч выпускников средних школ спустя несколько десятилетий. Одна из подобных ритуальных встреч описана в повести Забужко *Дівчатка*. Протагонистка, однако, не без причин относится к ней скептически. Ее:

наперед підмолює від нудьги: що може бути цікавого в цьому жалюгідному акті самоствердження, кожного зокрема, перед лицем власного отроцтва, що цікавого в сивіючих і лисіючих дядьках, радих на часинку обернутись на хлопчиків, і штучно вистроєних цьотках, які крадькома ревниво пасуть зором твоєї зморшки в надії, що в них їх куди менше?³⁵

В проекции на профанные реалии современности приобретает привкус «нечестивого свята» и центральный возрастной ритуал ритуалов — пятидесятилетний юбилей, — особенно когда его отмечает женщина. На таких празднествах обычно «лисі череваті дядьки» поднимают «чарки за те, аби перестиглій» виновнице торжества «й надалі було з ким скакати і в гречку, і в кукурудзу». Сакраментальный же смысл самого юбилея сводится исключительно к тому,

аби добряче напоїти кілька десятків жадібних до гульні й наїдків перестарків, щоб і вони, дійшовши до потрібної стадії сп'яніння, піднімали чарки за [...] хмільний і стиглий жіночий полудень³⁶.

³⁵ О. Забужко: *Дівчатка...*, с. 38—39.

³⁶ С. Кононенко: *Голий ювілей...*, с. 18—19.

Именно такого псевдоритуала стремится избежать Валерия, прекрасно понимая, что пародийно-имитационные мероприятия подобного рода не помогают в решении возрастных проблем, а лишь углубляют связанные с ними психологические комплексы. Свой способ на старость она, следуя профессиональному совету знакомой специалистки в области психологии, ищет в попытках вернуться к обсуждению тех тем, которые они с мужем «недообговорили колись». И хотя этой героине так и не удалось воссоздать эмоционально-интеллектуальную атмосферу тех времен, когда оба они были полны сил и страстно любили друг друга, а поэтому «могли говорить про все, [...] до ранку, забуваючи про буденні справи»³⁷, идея возврата во второй половине жизни к делам и мечтам, на реализацию которых не хватило времени в молодости, приносит позитивные результаты в иных новеллах Кононенко.

Так, игнорируя тот факт, что ей «треба лікувати міому! [...] а йому — аденому!», создают счастливую семью Ольга и Сергей, двое немолодых людей, которые еще в детстве на протяжении нескольких лет вместе учились и играли, после чего судьба надолго разлучила их. Показательным претекстом к новому сближению стала заветная мечта женщины, в осуществлении которой ей помог друг ее детства:

Ольга давно мріяла здійснити подорож по місцях декабристів. Що старшою ставала вона, то нездійсненнішою ставала та мрія. Ніби і гроші є, і Марина [дочь Ольги — И.Б.] вже працює, але які там місця декабристів! Бодай би влітку виїхати на дачу! Але от поряд Сергій. У нього друзі в тих краях. А в очах — задерикувати вогники. Транзит на Іркутськ через Ленінград вони замовили того ж дня, коли подали заяву до загсу. Боже мій, шампанське, потиск руки під столиком у кафе, шлюбна подорож — чи має вона право на все це у сорок вісім років?³⁸

Адекватно интерпретируя одну из центральных мировоззренческих парадигм украинской постмодернистской прозы, Кононенко далека от идеализации всего того негативного, что происходит с человеческим — не только женским, но и мужским — телом и душой на склоне лет. Тем не менее одним из источников гуманистического пафоса ее творчества является глубокая вера в то, что стареть можно и должно с достоинством. Кроме того, писательница убеждена, что и на этом, последнем этапе своего воплощения духовно развитая личность имеет реальные шансы вести полноценную жизнь, т.к. многое зависит только от нее самой. Надо не только суметь доказать окружающим, а в первую очередь — самой/самому глубоко осознать свое человеческое «право на особисте

³⁷ Ibidem, с. 23.

³⁸ С. Кононенко: *Де Ольга?...*, с. 107—108.

життя. Навіть у [...] безпорадному віці»³⁹. И даже если оба партнера уже «дуже старі, щоб висловити» взаємну любовь и «ніжність так, як це роблять чоловіки й жінки»⁴⁰, процесс психо-физического угасания парадоксальным образом может способствовать проявлению лучших качеств и свойств человеческой души.

Например, в новелле *Телефонна елегія* в эмоционально насыщенных и по-своему возвышенных диалогах раскрывается «винятково духовний зв'язок» двух уже очень старых и больных людей, который расцветает буквально на их смертном одре: «Ніби якийсь дуже давній тягар спав зі старечих душ», — потому что они «знайшли одне одного в цьому світі!» Истинным свидетельством глубокого мистического родства пары протагонистов стала их смерть, удивительным образом синхронизированная во времени: «в один день» — и «мало не в одну хвилину», наступившая в ходе последнего телефонного разговора⁴¹.

Впечатление эмоционально-эстетической полноты и гармонии, которое производит этот странный «телефонный роман у вісімдесят два роки», первоначально вызывающий в семьях Лидии и Василя «іронічні питання», в значительной степени объясняется магией циклической завершенности человеческой жизни, когда ее архетипическое начало и конец (в данной новелле — детство и старость) образуют своеобразную символично-смысловую рифму, придавая одно другому глубокую бытийственную значимость. Нечто подобное происходит и в новелле с похожим титулом — *Елегія про старість*. Отличаясь на фабулярном уровне, оба произведения резонируют в каком-то более глубоком философском понимании, поскольку в каждом из них по-своему вербализируется идея осмысленного и циклически завершенного индивидуального человеческого бытия.

Неосознанное, как правило, стремление персонажей украинской постмодернистской прозы — героинь и героев — вытеснить страх, порожденный приближением старости, забываясь в работе, в проблемах своих ближних, либо прибегая к иным, нередко самым невероятным способам, сопровождает их на разных этапах жизни. Тем не менее именно старость как тот исключительный этап, который венчает полный экзистенциальный цикл человеческого бытия, дает личности последний шанс сделать нечто конкретное для собственной души — по крайней мере, обратить внимание на ее существование и насущные запросы. Ведь, подводя тело к последнему рубежу, перед душой она закономерно раскрывает перспективу бессмертия в вечности.

³⁹ Eadem: *Телефонна елегія*. В: Eadem: *Книгарня «ШОК»...*, с. 61.

⁴⁰ Eadem: *Елегія про старість*. В: Eadem: *Новели для нецілованих дівчат...*, с. 127.

⁴¹ Eadem: *Телефонна елегія...*, с. 55, 57, 63.

Irina Betko

**JAK WYDŁUŻYĆ „WIEK KOBIECY”?
REINTERPRETACJE STEREOTYPÓW ZWIĄZANYCH Z WIEKIEM I PŁCIĄ
W UKRAIŃSKIEJ LITERATURZE POSTMODERNISTYCZNEJ**

Streszczenie

Opierając się na utworach Jurija Andruchowycza, Eugenii Kononenko, Oksany Zabuzko i Jurija Izdryka, autorka artykułu analizuje niektóre spośród stereotypów związanych z kategorią wieku, w którym kobiety zaczynają być klasyfikowane jako starsze. Postmoderniści pisarze dokonują rewizji podejścia wywiedzionego z patriarchy, które dyskryminuje kobiety w wieku średnim i starszym. W tym celu używają oni szerokiej gamy środków artystycznego wyrazu, od ironii po groteskę.

Słowa klucze: gender, ukraińska postmodernistyczna proza, Andruchowycz, Kononenko, Zabuzko, Izdryk

Irina Betko

**HOW TO EXTEND “WOMEN’S AGE”?
REINTERPRETATION OF AGE-GENDER STEREOTYPES
IN THE UKRAINIAN POSTMODERN FICTION**

Summary

In the article on the base of works by Jurij Andruhovych, Eugenia Kononenko, Oksana Zabuzhko and Jurij Izdryk it analyzes some representative stereotypes associated with the transition of women in the older age category. Postmodern writers revise patriarchal attitudes, which discriminate women in middle and older age. To this end, they use a wide palette of artistic means of the irony and the grotesque.

Key words: gender, Ukrainian postmodernist prose, Andrukhovych, Kononenko, Zabuzhko, Izdryk